

Токвилль Алексис Шарль Анри

Старый порядок и революция

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А48

А48 **Алексис Шарль Анри Т.**
Старый порядок и революция / Токвилль Алексис Шарль Анри – М.: Книга по Требованию,
2023. – 363 с.

ISBN 978-5-519-76963-1

ISBN 978-5-519-76963-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

безыскусственной формѣ отражаютъ, быть можетъ, съ бѣльшей ясностью истинные инстинкты того времени. Я постарался основательно изучить все тѣ публичные акты, въ которыхъ французы передъ приближеніемъ революціи могли высказать свои взгляды и вкусы. Протоколы провинціальныхъ штатовъ, а позднѣе провинціальныхъ собраній дали мнѣ въ этомъ отношеніи много матеріала. Я особенно много пользовался наказами, составленными тремя сословіями въ 1789 г. Эти указы, оригиналы которыхъ составляютъ длинный рядъ рукописныхъ томовъ, сохранить свое значеніе навсегда какъ завѣтъ стараго французскаго общества, какъ высшее выраженіе его желаній, какъ неподдѣльное обнаруженіе его послѣдней воли. Онѣ являются единственнымъ въ своемъ родѣ документомъ въ исторіи. Но и такой матеріалъ мнѣ казался еще недостаточнымъ.

Въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ государственная администрація уже стала могущественной, возникаетъ мало идей, желаній, скорбей, рѣдко сталкиваются такіе интересы и страсти, которые рано или поздно не обнаруживаются во всей своей наготѣ передъ этой административной властью. При посѣщеніи архивовъ пріобрѣтается не только весьма точное понятіе о пріемахъ власти, но тутъ познается и вся страна во всей ея совокупности. Какой-нибудь иностранецъ, въ распоряженіе котораго предоставили бы нынѣ всю конфиденціальную переписку, заполняющую картонны министерства внутреннихъ дѣлъ и префектуръ, скорѣе пріобрѣлъ бы лучшія свѣдѣнія о насъ, чѣмъ мы сами о себѣ знаемъ. Въ XVIII вѣкѣ государственная администрація представляла уже, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, весьма централизованное, весьма могущественное и крайне дѣятельное учрежденіе. Она безпрестанно то содѣйствовала, то препятствовала, то разрѣшала. Она имѣла возможность много обѣщать, много и дать. Эта администрація на тысячу ладовъ могла оказывать вліяніе не только на общее веденіе дѣлъ, но и на судьбу семей и частную жизнь каждаго человѣка. Кромѣ того она дѣйствовала не гласно, а потому никто не боялся обращаться къ ней даже по поводу самыхъ интимныхъ дѣлъ. Я очень долго

изучать то, что намъ осталось отъ этого порядка какъ Парижъ, такъ и во многихъ провинціяхъ *).

Какъ я и ожидалъ, я увидѣлъ старый порядокъ такимъ, каковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ со всеми его идеями, страстями, предразсудками и способами дѣйствія. Каждый человѣкъ говорилъ здѣсь свободно, не стѣняясь и раскрывая свои самыя сокровенныя мысли. Такимъ путемъ мнѣ удалось приобрѣсть много такихъ свѣдѣній о старомъ порядкѣ, какими не обладали современники, потому что у меня передъ глазами было то, чего они никогда не могли видѣть.

Но мнѣ въ то время какъ я подвигался въ изученіи этого матеріала, меня удивляло то, что во Франціи того времени я подмѣтилъ много чертъ, бросающихся въ глаза и въ современной намъ Франціи. Я нашелъ тамъ массу такихъ настроеній, которыя я считалъ вырощенными революціей, массу идей, которыя до тѣхъ поръ казались мнѣ возникшими на ея почвѣ, наконецъ, много такихъ обычаевъ, которые принято считать прямо результатомъ революціи. Словомъ, повсюду я находилъ корни современнаго общества, глубоко вросшіе въ старую почву.

Чѣмъ больше я приближался къ 1789 году, тѣмъ яснѣе я познавалъ тотъ духъ, который вызвалъ, породилъ и вырастилъ революцію. Мало-по-малу передо мной раздвигалась вся фізіономія этой революціи. Она уже проявляла свой темпераментъ, свой геній. Это была уже сама революція. Я понималъ не только смыслъ ея первыхъ проявленій, я нашелъ здѣсь, пожалуй, еще болѣе ясныя указанія на ея конечные результаты. Въ революціи слѣдуетъ различать два рѣзко различныхъ фазиса: первый,

*) Я особенно много пользовался архивами нѣкоторыхъ большихъ интенданствъ, особенно Турскимъ, который содержать весьма разностороннія данныя, относящіяся къ очень обширному округу, расположенному въ центрѣ Франціи и населенному милліономъ жителей. Я долженъ выразить здѣсь свою благодарность молодому, свѣдущему архивариусу, заведующему этимъ архивомъ, г. Grandmaison'у. Изученіе другихъ большихъ архивовъ, между прочимъ архивовъ Иль-де-Франса, привело меня къ заключенію, что поведеніе дѣлъ было одинаково въ большей части королевства.

когда французы, казалось, хотѣли уничтожить все прошлое, второй, когда они уже стараются удержать что-нибудь изъ прошлаго. Многія законоположенія и политическіе обычаи стараго порядка сразу исчезаютъ въ 1789 году и спустя нѣсколько лѣтъ вновь выступаютъ на сцену, подобно тому какъ нѣкоторыя рѣки поглощаются почвой съ тѣмъ, чтобы опять появиться на поверхности, показывая тѣ же воды новымъ берегамъ.

Главнымъ предметомъ моего настоящаго труда является выясненіе причинъ, почему эта великая революція, которая въ одно и то же время подготовлялась почти на всехъ континентахъ Европы, вспыхнула у насъ раньше, чѣмъ въ иномъ мѣстѣ, почему она вышла какъ бы сама собой изъ того общества, которое она должна была уничтожить, и какъ, наконецъ, могла пасть старая монархія такъ окончательно и внезапно.

Предпринятый мною трудъ не долженъ, однако, остановиться на этомъ. Мое намѣреніе, если у меня на то хватитъ времени и силъ, заключается въ томъ, чтобы прослѣдить черезъ всѣ стадіи длиннаго революціоннаго періода этихъ самыхъ французовъ, съ которыми я такъ сроднился при изученіи стараго порядка, французовъ, которыхъ создать этотъ старый порядокъ, прослѣдить, какъ они преобразовались и мѣнялись соотвѣтственно ходу событій, не измѣнивъ, однако, своей сущности, и какъ они непрерывно вновь являютъ передъ нами хотя съ нѣсколько различной, но все-таки легко узнаваемой фізіономіей.

Прежде всего я вмѣстѣ съ ними переживу эту первую эпоху 1789 года, когда сердца ихъ наполнены любовью къ свободѣ и равенству, когда они хотятъ создать учрежденія не только демократическія, но и свободныя, когда они не только желаютъ уничтожить всякія привилегіи, но и признать и освятить извѣстныя права. Это было время юности, энтузіазма, гордости, эпоха великодушныхъ и искреннихъ чувствъ, о которомъ, несмотря ни на какіе недочеты, у людей вѣчно сохранится воспоминаніе и которое еще долго будетъ нарушать сонъ всѣхъ тѣхъ, кто желаетъ развратить или поработить людей.

Слѣдя за ходомъ революціоннаго движенія, я постараюсь указать, подъ вліяніемъ какихъ событій, ошибокъ и недоразу-

мѣній, тѣ же французы наконецъ отказались отъ своего первоначальнаго плана и, забывая о свободѣ, въ послѣдствіи пожелали лишь сдѣлаться равноправными слугами властителя міра. Я укажу, какъ правительство болѣе сильное и болѣе абсолютное, чѣмъ то, какое низвергло революція, вновь завладѣваетъ и централизуетъ всю власть, упраздняетъ всѣ свободы, купленные такой дорогой цѣной, и на ихъ мѣсто ставитъ лишь ихъ блѣдный обликъ, называя народовластіемъ голосованіе избирателей, которые не могутъ ни объясниться, ни придти къ соглашенію, ни производить настоящихъ выборовъ, называя свободнымъ вотиrowаніемъ налога одобреніе безгласныхъ или раболѣпствующихъ собраній и отнимая у французскаго народа право на самоуправленіе, основныя гарантіи права, свободу мысли, слова и письма, т.-е. все то, что было самаго дорогого и благороднаго въ побѣдахъ 1789 года это правительство продолжало украшать себя великимъ воспоминаніемъ революціонной эпохи.

Я останавлиюсь на томъ моментѣ, въ который революція, по моему мнѣнію, болѣе или менѣе закончила свое дѣло и создала новое общество. Тогда я обращаюсь къ изученію этого новаго общества.

Я постараюсь разобрать, въ чемъ оно похоже на предшествовавшее ему общество и въ чемъ оно отличается отъ послѣдняго, что мы потеряли въ этомъ колоссальномъ переворотѣ и что мы выиграли отъ него, и, наконецъ, сдѣлаю попытку предугадать то, что ожидаетъ насъ въ будущемъ.

Часть моей второй работы уже начата, но я считаю ее пока недостойной вниманія публики. Удастся ли мнѣ довести ее до конца? Кто знаетъ? Судьба отдѣльныхъ личностей еще загадочнѣе судьбы народовъ.

Я надѣюсь, что написалъ настоящій трудъ безъ предубѣжденія, но не претендую на то, что онъ написанъ безстрастно. Врядъ ли простительно было бы французу оставаться хладнокровнымъ, когда онъ говоритъ о своей странѣ и воспоминаетъ свое время.

Я долженъ, такимъ образомъ, признаться, что, изучая наше старинное общество во всѣхъ его частяхъ, я никогда не терялъ

совсѣмъ изъ виду и новое общество. Я желалъ знать не только то, отъ какой болѣзни умеръ больной, но и то, какъ онъ могъ бы избавиться отъ смерти. Я поступаю, какъ тѣ врачи, которые въ каждомъ погибшемъ органѣ стараются открыть законы жизни. Цѣлью моей было представить вполне точную картину, но которая въ то же время могла бы быть и поучительной. Всякій разъ, когда мнѣ приходилось встрѣчать у нашихъ предковъ какія-либо изъ тѣхъ мужественныхъ добродѣтелей, которыя намъ были бы крайне необходимы и которыя мы почти утратили, какъ, напр., истинный духъ независимости, влеченіе къ великимъ дѣяніямъ, вѣра въ себя и въ святость своего дѣла, тогда я старался выставить эти добродѣтели въ рѣзкихъ чертахъ. Такъ же точно, когда я находилъ въ тогдашнихъ законахъ, въ идеяхъ, въ обычаяхъ того періода слѣды какого-нибудь порока, который, деморализуя старое общество, живетъ въ насъ и понынѣ, я старался пролить больше свѣта на всѣ эти условія съ тѣмъ, чтобы, оцѣнивъ причиненное пороками зло, можно было бы лучше уяснить себѣ то зло, какое подобные пороки могли бы причинять намъ еще и теперь.

Чтобы добиться этой цѣли, я не останавливался передъ опасностью, сознаюсь въ этомъ, кого-нибудь этимъ обидѣть, будь то отдѣльныя лица или сословія, будь то чьи-либо взгляды или воспоминанія, какъ бы они ни были почтенны. Я часто продолжалъ эту работу со скорбью въ душѣ, но не испыталъ никогда угрызений совѣсти. Пусть тѣ, кому такой мой образъ дѣйствій не правится, простятъ мнѣ его, принимая во вниманіе ту безкорыстную и благородную цѣль, какую я преслѣдовалъ.

Быть можетъ, многіе обвинятъ меня въ томъ, что въ этой книгѣ я обнаружилъ совершенно неумѣстную любовь къ свободѣ, о которой, какъ меня увѣряютъ, теперь во Франціи никто почти и не заботится.

Въ такомъ случаѣ я попрошу тѣхъ, которые ко мнѣ обратятся съ подобнымъ упрекомъ, принять въ соображеніе, что это стремленіе къ свободѣ во мнѣ очень давнее. Уже больше 20 лѣтъ тому назадъ, говоря о другомъ обществѣ, я почти дословно писалъ слѣдующее.

Среди мрака, окружающего будущее, можно открыть три истины, вполне очевидныя. Первая заключается въ томъ, что все люди нынѣшняго вѣка увлечены невидомой силой, которую можно надѣяться регулировать и замедлить, но одолѣть которую невозможно. Сила эта толкаетъ ихъ то медленно, то быстро къ уничтоженію аристократіи.

Вторая истина состоитъ въ томъ, что, среди всехъ обществъ міра, тѣ изъ нихъ, которымъ труднѣе всего избѣгнуть надолго абсолютизма, будутъ именно такими обществами, въ которыхъ аристократіи нѣтъ и не можетъ уже быть. Наконецъ, третья истина—въ томъ, что нигдѣ деспотизмъ не дастъ столь губительныхъ результатовъ, какъ именно въ этихъ обществахъ; больше чѣмъ какой бы то ни было иной образъ правленія, деспотизмъ содѣйствуетъ въ такой средѣ развитію всехъ пороковъ, какимъ спеціально подвержены эти общества, и влечетъ ихъ туда, куда они и безъ того уже клонятся по самому своему существу.

Люди, не связанные здѣсь между собой никакими кастовыми, сословными, корпоративными или семейными связями, очень склонны къ тому, чтобы заботиться только о своихъ личныхъ интересахъ, и впадаютъ въ узкій индивидуализмъ, заглушающій всякія общественныя добродѣтели. Деспотизмъ, вмѣсто того, чтобы бороться противъ такихъ стремленій, наоборотъ, еще болѣе укрѣпляетъ ихъ; онъ отнимаетъ у гражданъ всякую общую имъ страсть, всякія взаимныя потребности, всякую необходимость соглашенія, всякіе поводы къ объединенію. Деспотизмъ, такъ сказать, замуравливаетъ гражданъ въ ихъ частную индивидуальную жизнь. Если граждане и безъ того стремятся къ разъединенію, то деспотизмъ ихъ разъединяетъ въ еще болѣе мѣрѣ. Если они охлаждаютъ только другъ къ другу, то деспотизмъ ихъ совсемъ замораживаетъ.

Въ такого рода обществахъ, въ которыхъ нѣтъ ничего прочнаго, каждый членъ общества находится въ вѣчномъ страхѣ опуститься внизъ и прилагаетъ всю энергію, чтобы подняться выше. А такъ какъ деньги, послѣ того какъ они стали главнымъ признакомъ, раздѣляющимъ и отличающимъ людей другъ отъ друга,

приобрѣтають въ такомъ обществѣ необычайную подвижность, перехода непрерывно изъ рукъ въ руки, измѣняя общественное положеніе отдѣльных лицъ, обогащая и разоряя семьи, то въ подобномъ обществѣ трудно найти человѣка, который не предлагалъ бы постоянныхъ и отчаянныхъ усилій къ тому, чтобы сохранить или увеличить свои капиталы. Поэтому въ такомъ обществѣ самыми обычными страстями являются: жажда къ наживѣ, любовь къ коммерческимъ предпріятіямъ, страсть къ выигрышу, стремленіе къ благосостоянію и матеріальнымъ утѣхамъ. Эти страсти легко распространяются тамъ во всѣхъ классахъ общества, проникаютъ даже въ такіе общественные слои, которымъ раньше онѣ были чужды, и въ концѣ концовъ эти страсти могли бы совершенно разслабить и развратить націю, если къ свободному развитію ихъ не является какого-нибудь препятствія. Но уже по существу дѣла для деспотизма прямой интересъ поддерживать и развивать эти страсти.

Эти ослабляющія общественный организмъ страсти являются надежнѣйшимъ оплотомъ деспотизма. Онѣ отвращаютъ вниманіе людей отъ общественныхъ дѣлъ и приводятъ ихъ въ трепетъ при одной мысли о революціи. Только деспотизмъ даетъ ходъ этимъ страстямъ, окутывая ихъ мракомъ тайны и открывая просторъ стремленію къ безчестной наживѣ, забывляя ее отъ позора. Страсти эти сильны и сами по себѣ, но при деспотическомъ режимѣ онѣ становятся господствующими.

Только свобода можетъ дѣйствительно побѣдить въ подобныхъ обществахъ тѣ пороки, которые имъ свойственны, и удерживать общества отъ угрожающаго имъ паденія. Дѣйствительно, только одна свобода можетъ вырвать гражданъ изъ той обособленности, которая создается самымъ фактомъ ихъ матеріальной обезпеченности, и можетъ заставить ихъ сблизиться другъ съ другомъ. Она одна подымаетъ ихъ настроеніе и соединяетъ ихъ каждый день, припуждая ихъ вступать въ соглашенія, убѣждать другъ друга и добиваться взаимнаго признанія при рѣшеніи общихъ дѣлъ. Только свобода можетъ оторвать гражданъ отъ поклоненія золотому тельцу, избавить отъ излишней суежности и мелочности и заставить ихъ постоянно думать о

родинѣ, стоящей надъ ними и окружающей ихъ; она время отъ времени отвлекаетъ ихъ отъ излишняго пристрастія къ матеріальному благосостоянію, внушая имъ болѣе благородныя и возвышенныя стремленія, ставя имъ болѣе высокія задачи, чѣмъ накопленіе богатствъ. Свобода же даетъ и тотъ свѣтъ, благодаря которому является возможность лучше видѣть пороки и добродѣтели людей и вѣрнѣе ихъ оцѣнивать.

Демократическія общества, не пользующіяся свободой, могутъ быть, конечно, богатыми, утонченными и даже великолѣпными, они могутъ быть могущественными, благодаря вѣсу своей однородной массы. Въ этихъ обществахъ можно встрѣтить и частныя добродѣтели, добрыхъ отцовъ семействъ, честныхъ коммерсантовъ, уважаемыхъ собственниковъ. Среди нихъ попадаются даже истинные христіане, такъ какъ отечество ихъ не отъ міра сего и слава ихъ религіи заключается въ томъ, что они появляются среди наибольшей порчи нравовъ и при самомъ дурномъ управленіи. Римская имперія во время полнаго своего упадка была переполнена христіанами. Но только вотъ чего не будетъ въ такихъ демократическихъ обществахъ, это я осмѣливаюсь утверждать: въ нихъ не будетъ великихъ гражданъ и великаго народа. И я даже не боюсь утверждать, что общій уровень умственнаго и нравственнаго развитія будетъ въ нихъ непрерывно понижаться, пока тамъ будетъ царить равенство и деспотизмъ.

Вотъ что я думалъ и высказывалъ 20 лѣтъ тому назадъ. И сознаюсь, что съ тѣхъ поръ въ мірѣ не произошло ничего такого, что могло бы заставить меня мыслить и говорить иначе.

Указавъ на свое хорошее мнѣніе о свободѣ въ то время, когда она была въ почетѣ, я полагаю, не сочтутъ предосудительнымъ, что я держусь о ней того же мнѣнія и теперь, когда свобода впала въ немилость.

При этомъ надо имѣть въ виду, что даже и въ этомъ отношеніи я меньше отличаюсь отъ большинства моихъ противниковъ, чѣмъ они сами думаютъ.

Можно ли себѣ представить человѣка, который былъ бы по природѣ столь низокъ, чтобы, даже признавая за своимъ

народомъ необходимы для разумнаго пользованія свободой способности, тѣмъ не менѣе предпочесть зависѣть отъ капризовъ себѣ подобнаго вмѣсто того, чтобы слѣдовать законамъ, въ созданіи копѣхъ онъ самъ участвовалъ? Я думаю, что такихъ негодяевъ не существуетъ. Даже сами деспоты не отрицаютъ, что свобода—прекрасная вещь, но, къ сожалѣнію, они желаютъ ее только для себя самихъ и утверждаютъ, что всѣ остальные совершенно недостойны свободы. Слѣдовательно, мнѣнія расходятся не по отношенію къ самой свободѣ, но по отношенію къ большому или меньшему уваженію къ людямъ. На этомъ основаніи можно предложить слѣдующую точную формулу: любовь къ абсолютизму даннаго лица прямо пропорціональна его презрѣнію къ его роднѣ. Поэтому пусть мнѣ позволятъ немного подождать, пока я доживу до такихъ чувствъ.

Я, кажется, могу сказать, не желая хвастать, что книга, которую я выпускаю, является продуктомъ очень большого труда. Въ ней встрѣчаются короткія главы, которыя дались мнѣ нутемъ болѣе чѣмъ годового труда. Я бы могъ переполнить выносками нижнюю часть моихъ страницъ, но я предпочелъ привести лишь небольшое число ихъ и приложилъ ихъ къ концу книги, съ указаніемъ на страницы текста, къ которымъ онѣ относятся. Въ этихъ выноскахъ указаны примѣры и доказательства. Я бы могъ привести и многія другія замѣтки, если бы кто-нибудь нашелъ, что эта книга стоитъ того, чтобы ихъ потребовать.

СТАРЫЙ ПОРЯДОКЪ И РЕВОЛЮЦІЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Противоположныя мнѣнія, высказанныя по поводу революціи при ея возникновеніи.

Ничто не можетъ принудить философовъ и государственныхъ людей больше скромности, чѣмъ исторія французской революціи, потому что никогда еще не было въ исторіи болѣе великихъ событій, которыя такъ давно назрѣвали, были такъ хорошо подготовлены и наступленіе которыхъ въ то же время такъ мало ожидалось.

Самъ Фридрихъ Великій, несмотря на свой геній, не предчувствуетъ революціи. Онъ соприкасается съ ней, но не видитъ ея. Мало того, онъ дѣйствуетъ въ ея духѣ еще до ея наступленія; онъ является ея предтечей и уже, такъ сказать, исполнителемъ ея идей и въ то же время онъ совершенно не узнаетъ революціи при ея приближеніи, и, когда она, наконецъ, наступаетъ, новыя и необычныя черты, отличающія ее отъ другихъ революцій, вначалѣ ускользаютъ отъ взоровъ.

Внѣ Франціи она является предметомъ всеобщаго любопытства. Повсюду она вызываетъ въ умахъ народовъ нѣчто вроде неяснаго представленія о наступленіи новыхъ временъ,